

Лев Николаевич Толстой

Письма

(1896)

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Лев Николаевич Толстой

Письма: (1896) / Лев Николаевич Толстой – М.: Книга по Требованию, 2011. – 266 с.

ISBN 978-5-4241-0749-8

ISBN 978-5-4241-0749-8

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В примечаниях приняты следующие условные сокращения:
АТ — Архив Л. Н. Толстого.
АЧ — Архив В. Г. Черткова.
ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).
«Летописи», 2, 12 — «Государственный литературный музей. Летописи. Книга вторая. Л. Н. Толстой», М. 1938; «Государственный литературный музей. Летописи. Книга двенадцатая. Л. Н. Толстой», М. 1948.
ЛН — «Литературное наследство», № 37-38, изд. Академии наук СССР, М. 1939.
СТМ — «Сборник Государственного Толстовского музея», Гослитиздат, М. 1937.

ПИСЬМА
1896

* 1. К. Т. Солдатенкову.

1896? г. Января 5. Москва.

Уважаемый Косьма Терентьевич,

Мой близкий друг, Владимир Григорьевич Чертков, желает с вами познакомиться и побеседовать об общем деле.¹ Он и передаст вам эту записку. Очень жалею, что давно не видал вас.

Ваш Л. Т.

Печатается по рукописной копии рукою В. Г. Черткова. В дате копии: «Москва, 5 янв. 95» исправляем 1895 г. на 1896-й ввиду того, что в 1895 г., в первую половину января, ни Толстого, ни Черткова в Москве не было, и по содержанию письмо следует отнести к 1896 г.

Косьма Терентьевич Солдатенков (1818—1901) — богатый московский купец-старообрядец, основатель крупного издательства.

¹ Вероятно, об участии Солдатенкова в деле помощи духоборам.

2. А. А. Бренко.

1896 г. Января 6. Москва.

Милостивая государыня
Анна Алексеевна,

Вчера у меня был сотрудник одной Петерб[ургской] газеты¹ и спрашивал меня о том, насколько справедлива заметка, появившаяся в Нов[ом] вр[емени].² Я сказал ему, что очень хорошо помню, как вы читали мне вашу драму и как она мне

очень понравилась и местами сильно тронула меня. Теперь, получив ваше письмо, очень рад повторить это и вам.

С совершенным уважением остаюсь ваш покорный слуга
Лев Толстой.

6 января 1896.

Впервые опубликовано в петербургской газете «Новости» 1896, № 14 от 14 января.

Анна Алексеевна Бренко-Левенсон (1849—1934) — драматическая писательница, бывшая артистка Малого театра, основательница Пушкинского театра и первого рабочего театра в Москве, автор пьес «Дотаевцы» (М. 1884) и «Современный люд» (М. 1883); с осени 1895 г. руководила драматической школой в Петербурге.

Ответ на письмо Бренко от 4 января 1896 г., в котором она писала, что 2 января к ней пришел сотрудник «Нового времени», с тем чтобы узнать, какое отношение имеет ее пьеса «Дотаевцы» к драме Толстого «Власть тьмы». Она рассказала ему, что 13 лет назад она читала свою пьесу Толстому и та ему понравилась. На следующий день в «Петербургской газете» было напечатано интервью с ней, а 4 января в «Новом времени» появилась заметка, будто она лжет и старается умалить всемирную славу Толстого. Далее Бренко просила Толстого подтвердить, что она действительно читала ему свою пьесу и эта пьеса ему понравилась.

¹ Н. О. Рокшанин, сотрудник петербургской газеты «Новости». Разговор с Толстым был опубликован им в «Новостях» 1896, № 9 от 9 января, под заглавием «Беседа с графом Л. Н. Толстым (Впечатления)».

² См. «Новое время» 1896, № 7130 от 4 января.

* 3. И. М. Трегубову.

1896 г. Января 6. Москва.

Дорогой Иван Михайлович,

Получил вчера ваше письмо к Черткову,¹ и душою хочется написать вам, высказать вам свою любовь, утешить вас. Не унывайте, дорогой брат, не вы одни, все мы страдаем слабостью своей и грехами; только каждый по-своему. Пока живы, будем бороться, падать и подниматься, п[отому] ч[то] некогда лежать, надо работать для бога: в этом жизнь. Стыд может помогать, но не надо злоупотреблять им. Думал о том, не знаю ли чего, чем бы мог помочь вам, и одно только могу посоветовать вам: смиряться, сколько возможно понизить о себе мнение, признать себя не перед людьми и не на словах, а перед богом, в своей душе,

плохим, дурным, и не просто дурным, а дурным сравнительно с другими людьми, с знакомыми, осуждаемыми мною людьми. Я думаю, что это принижение себя поможет борьбе. Чем выше себя поднимаешь, тем легче падаешь. Не тем себя поддерживать, чтобы считать себя в других отношениях хорошим или стремящимся к хорошему, ² а тем, чтобы признавать себя таким же дрянным, во всех отношениях, каким чувствуешь себя в этом. Признавать то, что если я падаю в этом, то и во всем другом я так же плох и так же пал бы, а только условия, в кот[орых] я нахожусь, таковы, что нет соблазна. И когда создаешь свою низость, тогда есть одно утешение, и утешение твердое — это сознание того, что все-таки такой, какой я есмь, я нужен богу и хочу служить ему. Больше не знаю.

Л. Т.

Одно только еще — больше общения самого простого с людьми, меньше уединения.

На конверте: Воронежск[ой] губ. Россоша. Ивану Михайловичу Трегубову.

Датируется на основании пометки на автографе рукой Трегубова: «6 янв. 1896 г.» и даты почтового штемпеля отправления на конверте: «Москва, 7/1 1896».

Иван Михайлович Трегубов (1858—1931) — один из последователей Толстого. См. т. 66, стр. 124.

¹ Письмо Трегубова к В. Г. Черткову от 28 декабря 1895 г., переданное последним Толстому и касающееся обстоятельств личной жизни Трегубова.

² *Переделано из:* святости.

4. Эрнесту Кросби (Ernest Crosby).

1896 г. Января 4—12. Москва.

My dear Mr. Crosby.

Я очень радуюсь известиям о вашей деятельности и о том, что деятельность эта начинает обращать на себя внимание. Пятьдесят лет тому назад провозглашение Гаррисона ¹ о непротвлении вызвало только охлаждение к нему, и вся 50-летняя работа Баллу ² в том же направлении была встречена упорным молчанием. Я с большим удовольствием прочел в Voice ³ прекрасные мысли американских писателей о вопросе непротив-

ления. Делаю исключение только для старого, ни на чем не основанного, клеветнического на Христа мнения господина Bemis, предполагающего, что изгнание Христом скотины из храма означает то, что он бил кнутом людей и советовал поступать так же своим ученикам.

Мысли, выраженные этими писателями, в особенности Н. Newton'ом ⁴ и G. Heron'ом, ⁵ прекрасны, но нельзя не пожалеть о том, что мысли эти отвечают не на тот вопрос, который Христос поставил перед людьми, а на тот, который поставили на его место так называемые православные учителя церкви, главные и самые опасные противники христианства.

Mr. Higginson ⁶ говорит, что закон непротivления недопустим, как общее правило (*non-resistance is not admissible as a general rule*). Н. Newton говорит, что практические последствия (*practical results*) приложения учения Христа будут зависеть от степени веры, которую будут иметь люди в это учение. Г-н С. Martyn ⁷ полагает, что та стадия, в которой мы находимся, еще неудобна для приложения учения о непротivлении. G. Heron говорит о том, что для того, чтобы исполнять закон непротivления, нужно выучиться прилагать его к жизни. То же говорит и г-жа Livermore, ⁸ предполагая только в будущем возможном исполнении закона непротivления.

Мнения эти все трактуют о том, что выйдет для людей, если бы все были поставлены в необходимость исполнения закона непротivления; но, во-первых, совершенно невозможно заставить всех людей принять закон непротivления, а во-вторых, если бы это и было возможно, то это было бы самым резким отрицанием того самого принципа, который устанавливается. Заставить всех людей не насилловать других! Кто же будет заставлять людей?

В-третьих, и главное, то, что вопрос, поставленный Христом, совсем не в том, может ли непротivление стать общим законом для всего человечества, а в том, что должен делать каждый отдельный человек для исполнения своего назначения, для спасения своей души и для совершения дела божия, что сходится к одному и тому же.

Христианское учение не предписывает всем людям никаких законов, оно не говорит людям; следуйте все, под страхом наказания, таким-то правилам, и вы все будете счастливы, — а объясняет каждому отдельному человеку его положение в мире

и показывает ему то, что для него лично неизбежно вытекает из этого положения. Христианское учение говорит каждому отдельному человеку, что жизнь его, если он признает свою жизнь своею и целью ее — мирское благо своей личности или личностей других людей, не может иметь никакого разумного смысла, потому что благо это, поставленное целью жизни, никогда не может быть достигнуто, потому что, во-первых, все существа стремятся к благам мирской жизни и блага эти приобретаются всегда одними существами в ущерб другим, так что каждый отдельный человек не только не может получить желаемого блага, но, по всем вероятностям, должен даже испытать в борьбе за эти недостижимые блага еще много ненужных страданий; во-вторых, потому что если человек и приобретает мирские блага, то, чем больше он приобретает их, тем меньше они удовлетворяют его и тем больше он желает новых; в-третьих, главное, потому что, чем дольше живет человек, тем неизбежнее наступают для него старость, болезни и, наконец, смерть, уничтожающая возможность какого-либо мирского блага.

Так что если человек считает свою жизнь своею и целью ее — мирское благо, свое или других людей, то жизнь эта не может иметь для него никакого разумного смысла. Разумный смысл жизнь получает только тогда, когда человек понимает, что признание своей жизни своею и целью ее — мирское благо личности, своей или других людей, — есть заблуждение и что жизнь человека принадлежит не ему, получившему эту жизнь от кого-то, но тому, кто произвел эту жизнь, а потому и цель ее должна состоять не в достижении блага своего или других людей, а только в исполнении воли того, кто произвел ее. Только при таком понимании жизни она получает разумный смысл, и цель ее, состоящая в исполнении воли бога, становится достижимой, и, главное, только при таком понимании становится ясно определенною деятельность человека, и он не подлежит уже неизбежным при прежнем понимании отчаянию и страданиям.

Мир и я в нем, — говорит себе такой человек, — мы существуем по воле бога. Мира всего и моего отношения к нему я не могу знать, но то, что хочет от меня бог, пославший меня в этот бесконечный по времени и пространству и потому недоступный моему пониманию мир, я могу знать, потому что это открыто мне и в предании, т. е. в совокупном разуме прежде меня жив-

ших лучших людей мира, и в моем разуме, и в моем сердце, т. е. в стремлении всего моего существа.

В предании, совокупности мудрости всех лучших людей, живших до меня, мне сказано то, что я должен поступать с другими так, как хотел бы, чтобы другие поступали со мною; разум мой говорит мне, что наибольшее благо людей возможно только тогда, когда все люди будут поступать так же.

Сердце мое спокойно и радостно только тогда, когда я отдаю чувство любви к людям, требующему того же. И не только я могу знать, что мне надо делать, но могу знать и знаю то дело, для которого нужна и определена моя деятельность.

Всего дела божия, того, для чего существует и живет мир, я не могу постигнуть, но совершающееся в этом мире дело божье, в котором я участвую своей жизнью, доступно мне. Дело это есть уничтожение раздора и борьбы между людьми и другими существами и установление между ними наибольшего единения, согласия в любви; дело это есть осуществление того, что обещали еврейские пророки, говоря, что наступит время, когда все люди будут научены истине, перекуют копыя на серпы и мечи на орала и лев будет лежать с ягненокм.

Так что человек христианского понимания не только знает то, как ему надо поступать в жизни, но знает и то, что ему надо делать.

Ему надо делать то, что содействует установлению царства божия в мире. Для того же, чтобы делать это, человеку нужно исполнять внутренние требования воли бога, т. е. поступать любовно с другими так, как бы он хотел, чтобы поступали с ним. Так что внутренние требования души человека сходятся с тою внешнею целью жизни, которая поставлена перед ним.

Человек, по христианскому учению, есть работник бога. Работник не знает всего дела хозяина, но ему открыта та ближайшая цель, которая достигается его работой, и даны определенные указания о том, что он должен делать, в особенности даны ясные указания о том, чего он не должен делать, чтобы не противодействовать той цели, для достижения которой он послан на работу. В остальном же ему предоставлена полная свобода. И потому для человека, усвоившего христианское понимание жизни, совершенно ясен и разумен смысл его жизни, и не может быть ни минуты колебания о том, как ему надо поступать в жизни и что ему следует и, главное, чего не

следует делать для того, чтобы исполнить назначение своей жизни.

И тут-то, при таком для человека христианского понимания ясном, несомненном с двух сторон указании того, в чем состоит смысл и цель человеческой жизни, и как человек должен поступать, и что делать и чего не делать, и являются люди, называющие себя христианами, которые решают, что в таких-то и таких-то случаях человек должен отступать от данного ему закона бога и указания общего дела жизни и поступать противно и данному закону и общему делу жизни, потому что, по их умозаключениям, последствия поступков, совершенных по данному богом закону, могут быть невыгодны или неудобны для людей.

По данному и в предании, и в разуме, и в сердце закону человек должен поступать всегда с другими так, как он хочет, чтобы поступали с ним; должен содействовать установлению между существами любви и единения; по решению же этих дальновидных людей, человек должен, пока еще исполнение закона, по их мнению, преждевременно, насиловать, лишать свободы, убивать людей и этим содействовать не любовному единению, а раздражению и озлоблению людей. Вроде того, как если бы приставленный к определенной работе каменщик, знающий, что он участвует вместе с другими в постройке дома, и получивший ясное и несомненное распоряжение от самого хозяина о том, что ему надо выкладывать стену, получил бы приказание от таких же, как он, каменщиков, не знающих, как и он, общего плана постройки и того, что полезно для общего блага, о том, чтобы перестать выкладывать свою стену, а раскидывать работу других.

Удивительное заблуждение! Существо, нынче дышащее и завтра исчезающее, которому дан один определенный, несомненный закон, как ему прожить свой короткий срок, это существо воображает себе, что он знает то, что нужно и полезно и своевременно всем людям, всему миру, тому миру, который, не переставая, движется, развивается, и во имя этой воображаемой каждым по-своему пользы предписывает себе и другим на время отступать от данного ему и всем людям несомненного закона и не поступать со всеми так, как бы он хотел, чтобы поступали с ним, не вносить в мир любовь, а насиловать, лишать свободы, казнить, убивать, вносить в мир озлобление тогда, когда мы

найдем, что это нужно. И предписывает поступать так, зная, что самые ужасные жестокости, мучения, убийства людей, от инквизиций и казней и ужасов всех революций до теперешних зверств анархистов и избияния их, происходили и происходят только потому, что люди предполагают, что они знают то, что нужно людям и миру; зная, что в каждый данный момент всегда есть две противоположные партии, из которых каждая утверждает, что надо употреблять насилие против противоположной: государственники против анархистов, анархисты против государственных, англичане против американцев, американцы против англичан, немцы против англичан, англичане против немцев и т. д., во всех возможных перемещениях и сочетаниях.

Но мало того, что человек христианского понимания жизни по рассуждению ясно видит, что нет для него никакого основания отступать от ясно указанного ему богом закона его жизни для того, чтобы следовать случайным, шатким, часто противоречивым требованиям человеческим, но такой человек, если он уже некоторое время живет христианскою жизнью и развил в себе христианскую нравственную чуткость, уже не по одному рассуждению, но по чувству — буквально не может поступать так, как требуют от него люди.

Как для многих людей нашего мира невозможно истязать, убить ребенка, хотя бы такое истязание могло спасти сотни других людей, так точно для человека, развившего в себе христианскую чуткость сердца, становится невозможным целый ряд поступков. Христианин, например, принужденный к участию в суде, где человек может быть приговорен к казни, к участию в делах насильственного отнятия имущества, в прениях об объявлении войны или в приготовлениях к ней, не говоря уже про самую войну, находится в том же положении, в котором находился бы добрый человек, принуждаемый к истязанию или убийству ребенка. Он не то что по рассуждению решает, что ему не должно, но он не может сделать то, чего от него требуют. Потому что для человека существует нравственная невозможность известных поступков, такая же точно, как и невозможность физическая. Как человеку невозможно поднять гору, как невозможно доброму человеку убить ребенка, так невозможно и человеку, живущему христианскою жизнью, участвовать в насилии. Какое же могут иметь значение для такого человека рассуждения о том, что для какого-то